Так, к челобитной 1651 г. ленских служилых людей царю прилагается послужной список, о чем и указывается в конце челобитной: «...и кто тебе, государю, на тех приступех служили...., а иных испереранили... и в которые места, и тому имена в послужном списке под сею челобитною за нашими руками».[9] К челобитной бывшего патриарха Никона царю 1666 г. прилагаются распросные речи. Сообщая о приложении, Никон — и это примечательно — называет свою челобитную отпиской: «...и с того ево писма и с роспросных речей списав список, послал я, богомолец твой, к тебе, великому государю, под сею отпискою».[10] Примечательно также, что к челобитным, как и к отпискам, особенно часто прилагаются «росписи».[11] Теперь мы подходим к примерам, близким записке, приложенной к аввакумовской челобитной.

К воеводским отпискам и царским грамотам мог быть приложен практически любой официальный документ, в том числе грамоты и отписки. К челобитным же, а тем более к посланиям и письмам, грамоты и отписки, как правило, не прилагались. Круг официальных документов, которые могли быть приложены к челобитным, был явно сужен. Для писем же правилом было вообще отсутствие документальных приложений.[12]

В соответствии с этой иерархией приложений, к челобитным в отличие от отписок могли прилагаться документы менее официального характера, отличавшиеся большей субъективностью повествования и меньшей установленностью жанровых признаков: «росписи вин» или «росписи улик», не имеющие какой-либо строго установленной формы изложения. Примером челобитной, к которой приложена большая «роспись улик», может служить челобитная царю соловецкого архимандрита Варфоломея 1666 года. Архимандрит прилагает к челобитной список неблаговидных и уголовно наказуемых поступков семи соловецких старцев. Например, «Улики на старца Герасима Фирсова», раскольничьего публициста: «Он же, старец Герасим, у старца своево Исаии украл денег сто двадцать рублев... Он же, Герасим Фирсов, украл у брата своего келейного, у старца Нектарья, денег семдесят рублев... Он же, Герасим,... рыбу продавал без монастырского указу... Да он же... дважды обманул больничного старца Меркурья слепово», и т. д. и т. п.[13]

Записка Аввакума, приложенная к первой челобитной, отчасти напоминает «роспись вин» специфической «перечневатостью» изложения: «...Да он же, Афонасей, увез из Острошков от Лариона Толбозина троих аманатов... Да он же увез 19 человек ясырю у казаков... Да он же, Офонасей, государевых служилых двух человек взял во двор к себе силно... Да он жо, Афонасей... переморил болши пяти сот человек го-

---

[9] ДАИ, т. 3, № 87, стр. 321.

[10] Гиббенет. Историческое исследование, ч. 2, стр. 971.

[11] Один из ранних примеров: челобитная царю старосты московской суконной сотни 1649 г. — ДАИ, т. 3, № 47, стр. 156.

[12] Если возникала нужда добавить к письму, например, челобитную, то добавлялась не сама челобитная, а лишь ее изложение. Так, Иван Неронов, закончив письмо к Стефану Вонифатьеву 1654 г. («Прочее же когождо вас обымая, целуя»), добавляет послание или челобитную, которую он хотел бы подать царю через Стефана; но не непосредственно ее текст, а ее изложение: «Болезнь же сердца моего возвести государю-царю, что верую в господа Исуса Христа, и во истину равноапостолну. Рцы ему, государю: Иоанн протопоп скорби на тя не имать, но церковь. Внимай, государь, полно спать! Аще и аз милости не получих: поне братия; ако да долголетен будеши на земли. Прости, молюся, Христа ради... Прочее же воля господня да будет» (Материалы раскола, т. 1, стр. 104). Характерно, как Неронов переходит к прямым обращениям к царю, хотя пишет к Стефану.

[13] Материалы раскола, т. 3. М., 1878, стр. 85 и сл.